

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX в.

К. М. Бондаренко

кандидат исторических наук, доцент,
ректор МГУ имени А. А. Кулешова, г. Могилев, РБ

Статья посвящена анализу программных документов ведущих правых монархических партий и союзов, их требований, направленных на совершенствование аграрных отношений в российской деревне, определению места и роли аграрного вопроса в идеологической доктрине правых в начале XX в.

Введение

Состояние и перспективы развития сельского хозяйства, социально-экономическое положение крестьянства всегда находились в центре внимания правомонархических партий и союзов, так как именно крестьянство рассматривалось идеологами правых сил чуть ли ни единственной верной и надежной опорой самодержавного режима, хранителем православных устоев и традиций. Отдельные стороны рассматриваемой проблемы в той или иной мере находили отражение в исторической литературе прошлых лет. В частности, одним из первых программные документы крупнейших монархических партий исследовал Л.М. Спирин. Он дал общую характеристику понимания аграрного вопроса и путей его предполагаемого решения лидерами Русского Собрания (РС), Союза Русского Народа (СРН), Всероссийского Союза земельных собственников (ВСЗС), Всероссийского национального союза (ВНС) [1]. Более детальное рассмотрение стратегия и тактика общероссийских правомонархических партий получили в работах С.А. Степанова [2] и Ю.И. Кирьянова [3]. В книгах и статьях российских историков А.А. Иванова [4] и И.В. Омелянчука [5] содержится значительный материал, дающий определенное представление об отношении к аграрным преобразованиям в России (прежде всего к столыпинской реформе) со стороны Союза Михаила Архангела (СМА) и его руководителя В.М. Пуришкевича, хотя поднятые ими проблемы и не являлись предметом специального исследования.

Особенностям решения аграрного вопроса правомонархическими партиями в белорусских губерниях начала XX в. посвящены отдельные разделы трудов современных отечественных историков [6]. Вместе с тем, эта проблема по-прежнему остается малоизученной и требует дальнейшего всестороннего исследования.

Основная часть

В конце XIX – начале XX вв. Россия, несмотря на значительные достижения в промышленном развитии, оставалась в целом аграрной страной. По переписи 1897 г. в ней проживало 97 млн. сельскохозяйственного населения из 126

зарегистрированных на территории всей империи. Накануне Первой мировой войны, в результате естественного прироста, население страны увеличилось до 170 млн. чел., среди которых крестьянство составило 69% [7, с. 24–23]. Его социально-классовая дифференциация к этому времени зашла уже достаточно далеко: зажиточных было 19%, середняков и бедняков – по 25% соответственно. Всего к этому времени в России насчитывалось 124 млн. крестьян [7, с. 26]. Общий земельный фонд государства составлял 400 млн. десятин, из которых треть приходилась на крестьянские общинно-наделные, 12% – на частновладельческие, остальное – на удельные, казенные, церковные, помещичьи и т.д. Обрабатываемые земли не превышали 100 млн. десятин, 90% из них являлись крестьянскими посевами. На территории Российской империи насчитывалось 20 млн. крестьянских дворов, количество которых из года в год увеличивалось, приводя к численному росту середняцких и бедняцких хозяйств [7, с. 21], и как результат, к снижению товарности сельскохозяйственного производства в целом. Следовательно, большинство крестьян могли продать на рынке крайне незначительную часть произведенного продукта, т. е. излишки, а на вырученные деньги лишь частично удовлетворить свои производственные и бытовые потребности. Более того, примерно 1/6 часть крестьян, в основном зажиточных, распоряжалась на условиях аренды половиной всех наделных земель бедняцко-средняцких хозяйств, эксплуатируя наемный труд своих же земляков-соседей. Все это крайне негативно сказывалось на уровне жизни большинства сельского населения и вело к нарастанию социального противостояния в деревне между помещиками и кулаками с одной стороны и середняками и бедняками с другой.

Бедственное положение большинства крестьянства осознавали все политические партии, в различное время действующие в России. Каждая из них по своему трактовала его причины и, исходя из этого, определяла пути решения данной проблемы. Не остались в стороне от необходимости изменения положения в деревне и правые силы. Монархические партии уже в своих первых программных документах уделили этому вопросу первостепенное внимание, предлагая самые разнообразные пути и способы его решения. Так, в программе РС впервые перечислялись возможные меры решения аграрного вопроса: “улучшение сельскохозяйственной культуры, развития кустарных промыслов и увеличения площади крестьянского землевладения” [8, с. 423]. Правда, путей увеличения земельной собственности крестьян правые идеологи монархизма пока еще не конкретизировали. Более детально эти проблемы были изложены в программе Русской монархической партии (РМП). Восьмой и тринадцатый разделы ее основного документа содержали требования добиться улучшения “крестьянского быта” путем поднятия “сельскохозяйственной культуры, правильной организации сельского кредита, учреждением сельских земледельческих школ, а также целесообразным землеустройством и расселением, в особенности же рациональным ведением переселенческого дела” [8, с. 433].

Одной из причин тяжелого экономического положения крестьянства партия считала малоземелье, ликвидировать которое предлагала законными средствами, предостерегая крестьян от каких бы то ни было насильственных действий “в виде захвата чужой собственности” [8, с. 433]. Чтобы даже небольшой земельный надел давал большую прибыль РМП считала необходимым обрабатывать его “усиленным и улучшенным образом”, применяя “общие меры облесения, обводнения, борьбы с оврагами, песками и т.п.” [8, с. 433]. Предложенные меры должны были осуществляться при поддержке государства и местных земств че-

рез кредитование и обучение крестьян улучшенному труду в сельских школах. Кроме этого, в деле борьбы с малоземельем намечалось активнее использовать переселения на добровольной основе крестьян из центральных, густонаселенных губерний, в восточные регионы империи [8, с. 434]. При этом РМП твердо отстаивала принцип частной собственности на землю и выступала за сохранение крупного помещичьего землевладения. По этому поводу в программе заявлялось, что “Монархическая партия ... не допускает мысли” о том, чтобы все мероприятия по улучшению положения крестьян влекли “за собой преступные насилия в виде захвата чужой собственности или принудительного отчуждения крупных владений для удовлетворения мелких собственников” [8, с. 433].

СРН, позиционирующий себя как массовая народная организация, также уделял существенное внимание аграрному вопросу, о чем свидетельствует шестой раздел его программы под названием “Земельный вопрос”, который включал 16 пунктов, не считая льгот для казачества. Декларируя стремление “домогаться всеми силами расширения крестьянского землевладения”, идеологи Союза сразу оговаривались, что “никакие меры, направленные к улучшению быта крестьян, не должны нарушать неприкосновенности земельной собственности” [8, с. 451].

Тем не менее, в программе выдвигался ряд мер, способствующих, с точки зрения СРН, улучшению материального состояния крестьян. Наиболее значительными среди них были: уравнивание имущественных и семейных прав крестьянского и прочих сословий; предоставление в собственность крестьянских наделов, полученных после реформы 1861 г.; наделение малоземельных крестьян землей за счет казенных земель, с этой же целью предлагалось добиваться за счет государства покупки у частных владельцев добровольно продаваемых ими земель; оказание помощи государством крестьянам при покупке земли и в деле переселения [8, с. 451–452].

Кроме того, для улучшения хозяйственного и правового положения крестьян, союзниками выдвигались следующие требования: устранение чересполосицы путем обмена или покупки земли при содействии государства; признание собственности земельных участков за крестьянами в общинах, не проводивших земельные переделы в течение последних 24 лет; предоставление отдельным крестьянам права выхода из общины с сохранением в собственности общинного участка земли; регулирование законом арендных отношений; установление наименьшего размера земельной собственности, не подлежащей принудительной продаже за долги владельца; выкуп сервитутных прав при содействии казны по существующей казенной оценке; учреждение мелкого государственного сельского кредита; организация казенных зернохранилищ для покупки крестьянского хлеба, что позволило бы освободить крестьян от эксплуатации скупщиками и упорядочило заграничный вывоз [8, с. 452].

Другие монархические партии либо полностью были солидарны с этой программой, как например СМА, либо практически повторяли ее основные положения. Например, в § 10 программы центристского Союза имени Михаила Архангела было прямо указано, что она “совершенно совпадает с программой Союза Русского Народа (вопросы: земельный, рабочий, народного образования, суда, печати и проч.), ибо Союз Михаила Архангела возник и растет из того же семени любви и бесконечной преданности: Церкви Православной, неограниченному Самодержавию Царскому и великой Народности Русской” [8, с. 459]. Лидер умеренных правых ВНС, соглашаясь с основными требованиями СРН по аграрному вопросу, все же акцентировал свое внимание на хуторском и отрубном

землевладении и землепользовании, считая их более культурными формами организации крестьянского хозяйства [8, с. 368].

8 июля 1906 г. председателем Совета Министров (а еще раньше – 26 апреля 1906 г. министром внутренних дел – *К. Б.*) был назначен П.А. Столыпин – будущий великий реформатор России. Среди дюжины реформ, затрагивающих практически все стороны жизнедеятельности огромной державы, главной целью его правления стала аграрная реформа, основная задача которой состояла в принципиально новой реорганизации землепользования и землевладения крестьянства. Необходимо было решить две взаимосвязанные проблемы – организационно-правовую и экономическую. Осуществление первой началось с указа от 12 августа 1906 г. о передаче Крестьянскому банку удельных земель (собственность императорской фамилии), а вскоре последовали указы: 27 августа о порядке продажи казенных земель; 19 сентября о порядке продажи крестьянам казенных земель на Алтае (собственность Николая II); 19 октября о разрешении Крестьянскому банку выдавать крестьянам ссуды под залог надельной земли, чем фактически признавалась крестьянская личная собственность на надельную землю. Затем, 5 октября 1906 г. был принят указ об отмене всех сохранившихся (после реформы 1861 г. – *К. Б.*) ограничений для крестьянского сословия, который уравнивал крестьян в правах с гражданами других сословий в отношении государственной и военной службы, обучения в учебных заведениях и т.д. [9, с. 86–89]. И наконец, 9 ноября 1906 г., на основании ст. 87 Основных законов Российской империи (дающей возможность императору лично утверждать предлагаемые правительством законодательные акты без предварительного обсуждения их в ГД – *К. Б.*) увидел свет указ Николая II об “Отмене выкупных платежей за надельные земли и праве выхода крестьян из общины” [10, с. 638]. Указ отменял с 1 января 1907 г. “взимание с крестьян выкупных платежей за надельные земли”. “С этого же срока, – утверждалось далее, – означенные земли освобождаются от лежащих на них в силу выкупного долга ограничений, и крестьяне приобретают права свободного выхода из общины, с укреплением в собственность отдельных домохозяев, переходящих к личному владению участков из мирского надела” [10, с. 638]. В последующем тексте документа подробно разъяснялись правила и принципы выхода крестьян из общины и закрепления в собственность надельной земли. 14 июня 1910 г. переработанный, измененный и дополненный указ, одобренный Государственной Думой и Государственным Советом, стал действовать как закон. Исходя из него, крестьянин, выходя из общины, получал право потребовать сведения всех своих земельных участков в одно место без переноса усадьбы из общинных владений (это называлось отрубом – *К. Б.*) или с переносом усадьбы за границы общинных земель, чаще на окраины, (подобное частное поселение именовалось хутором – *К. Б.*). В случае нехватки земли или нежелания крестьянина оставаться в местах прежнего проживания законодательством предусматривались право и возможность переселения крестьянина с семьей на свободные земли в регионах проживания или в малонаселенные районы Урала, Севера и Сибири. Если сравнить положения новых законодательных актов по аграрному вопросу с программными требованиями монархических партий, то нетрудно заметить, что по многим позициям они практически полностью совпадают, а иногда и почти дословно повторяют друг друга. За 10 лет проведения реформы (1907–1917 гг.) (по свидетельству отечественных историков) из общины вышел каждый четвертый крестьянин, а “каждый десятый стал собственником хутора или отруба”. Число “переселенцев превыси-

ло 3 млн. человек”, однако по разным причинам примерно пол-миллиона крестьян с семьями были вынуждены вернуться в европейские губернии России, тем самым увеличив число малоземельных, а то и безземельных крестьянских дворов [11, с. 28].

Отношение правых к столыпинской аграрной реформе было неоднозначным. Крайне правые во главе с СРН (а с декабря 1911 г. – Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа (ВДСРН)), понимая необходимость существенных перемен в аграрном секторе экономики страны и решения земельного вопроса в пользу крестьянства, безоговорочно поддержали П.А. Столыпина только в плане проведения государственной переселенческой политики. В отношении ликвидации общинного землепользования их позицию нельзя считать вполне простолыпинской. Признавая за крестьянами право выхода из общины на отруб и создания индивидуального хозяйства, ВДСРН требовал запретить власть предрержащим принуждать к этому крестьян силой и обманом и предоставить им свободу выбора. Более того, отдавая предпочтение сохранению общины, ВДСРН уже на своем Учредительном Съезде (21 ноября – 1 декабря 1911 г.) в постановлении “О землеробах” недвусмысленно заявил “признать еще более желательным сохранение общины как основной формы деревенской жизни, потому что общинное хозяйство легче вести, как уже налаженное, привычное. Община сдерживает слабохарактерных влиянием и даже правом воздействия. Община ограждает возможности заработать на прокормление. Община поддерживает храм Божий и школу, а где и больницу, которые при расселении на хутора, зачахнут. Община сохраняет единоплеменные и братскую связь, чем предохраняет от развития хулиганства. В случае разбойных нападений и т.п. община защищается вся вместе, разделяя общую беду общим ответом. Общину легче охранять и спасать даже, пожалуй. Все это делает жизнь легче и спокойнее. Расселенные на хутора совсем беззащитны и беспомощны от лихих людей и грабителей” [12, с. 79]. Как бы ни казались некоторые из этих положений простыми и даже наивными, но они шли из повседневной жизни незажиточного большинства крестьянской массы и были ей понятны и близки, а следовательно пользовались соответствующей поддержкой.

Как уже отмечалось выше, центристы и умеренно правые, за небольшим исключением, поддержали большинство столыпинских нововведений в аграрном переустройстве России. Особенно это касалось отношения к общине и переселенческой политике правительства. Например, в программе СМА провозглашалось, что “Союз поставляет своею обязанностью заботы об увеличении крестьянского землевладения на правах собственности, об улучшении сельскохозяйственной культуры, о снабжении населения усовершенствованными орудиями для обработки земли; вместе с тем Союз будет заботиться о переселенцах, оказывая им духовную и материальную поддержку” [13, с. 379]. На стороне П.А. Столыпина оказался и Союз Русского Народа – обновленческий. Его признанный лидер Н.Е. Марков II принял самое активное участие в думских дебатах по поводу указа 9 ноября 1906 г. и, по утверждению И.В. Омелянчука, “...полностью одобрил курс на разрушение общины, видя в ней не только неэффективный экономический институт, но и крестьянскую организацию, представляющую опасность и для властей, и для помещиков” [5, с. 69]. Умеренно правый Всероссийский национальный союз в своей программе, принятой в январе 1910 г., поставил в качестве главных задач в области переустройства аграрных отношений: а) “уничтожение чересполосицы и переход от существующих форм крестьян-

янского землевладения и землепользования к другим более культурным (хуторское и отрубное хозяйство), для каковой цели должен быть использован имеющийся свободный государственный земельный запас и нужные средства из государственного казначейства; б) упорядочение переселенческого дела и в) организация дешевого и мелкого кредита” [8, с. 368]. Все в духе основных положений указа от 9 ноября 1906 г. Показательным в этом плане является также пример отношения к нему со стороны правых депутатов III Государственной Думы от белорусских губерний, приведенный, в одной из фундаментальных работ известным отечественным историком Н.М. Забавским. В частности, он отмечает: “Ад фракцыі правых дэпутатаў Думы свае меркаванні наконт указа выказаў епіскап Гомельскі Мітрафан, цалкам падтрымаўшы яго... Протаіерэй Ф.І. Нікановіч (Віцебская губернія) выказаў надзею, што ўказ ад 9 лістапада вырашыць зямельнае пытанне” [14, с. 101]. “Выступленні правых дэпутатаў ад Беларусі, – епіскапа Мітрафана, протаіерэя Ф.І. Нікановіча, В.К. Тычыніна, – адзначае далей Н. Забавскі – нічым не адрозніваліся ад агульных пазіцый, якія займалі прадстаўнікі галоўных манархічных партый Расіі. Іх сутнасць зводзілася да таго, што ўказ ад 9 лістапада 1906 г. з’яўляецца адзіным сродкам вырашэння аграрнага пытання і выратаваннем ад рэвалюцыі” [14, с. 102].

Для монархических организаций Беларуси в целом была характерна большая решительность, по сравнению с центральным партийным руководством, в отношении возможных путей решения аграрного вопроса, что обусловлено с одной стороны острым земельным голодом местных крестьян, а с другой – господством крупного, преимущественно польского, помещичьего землевладения. По данным Н.М. Забавского, в начале XX в. в западных губерниях дворянству принадлежало 80,2% всего частного землевладения, из которого на поляков приходилось около 50% крупной земельной собственности [14, с. 4]. Наиболее радикальный способ защиты экономических и политических интересов местного населения от польских помещиков и возможности окатоличивания – по мнению монархистов края – это отчуждение земли от польских землевладельцев, как врагов русской государственности. Так, например, Д.В. Скрынченко предлагал: “...нужно, по примеру Пруссии, отчуждить в государственный фонд земли польских панов...”, но опасаясь критики, оговаривался: “Я вовсе не трудовическую программу провожу, а стою на страже государственных интересов” [15, с. 14].

О необходимости расширения площади крестьянских земель писали и крайне правые местные издания, отрицая однако радикальное игнорирование принципа частной собственности. В серии статей печатного органа Русского Окраинного Общества газете “Окраины России”, посвященной проблемам сельского хозяйства, разъяснялась необходимость “твердо защищать права частной собственности... как залог всякого прогресса, основу общежития...” [16, с. 221–223]. Кроме того, для дальнейшего развития крестьянского хозяйства, по мнению умеренно правых, необходимо было ликвидировать общинное землевладение, для чего разрешить крестьянам свободно выходить из общины; ликвидировать чересполосицу; наладить на должном уровне государственную деятельность по переселению сельского населения в азиатскую часть России, с предоставлением переселенцам различных льгот [17, с. 237–239; 18, с. 269–271].

Газета “Северо-Западная Жизнь”, как орган националистов, дополняла вышеназванные меры требованием предоставления мелкого кредита для приобретения земли не только для крестьян, но и для православного духовенства и интеллигенции. Это преобразование, с точки зрения издания, позволило бы со-

здать в деревне необходимый для деятельности земств “русский культурный элемент”, способствовало бы развитию сельскохозяйственной культуры. Для реализации такой идеи местные националисты предлагали учредить бессловный западно-русский земельный банк [19, с. 1].

Особым подходом к решению аграрного вопроса отличалось белорусское общество “Крестьянин”. На собрании общества в марте 1907 г. обсуждался вопрос “О способах расширения крестьянского землевладения”. В принятом постановлении присутствующие единодушно высказались “против безвозмездного отчуждения частновладельческих земель с целью так называемой национализации земли... Нарушение принципа земельной собственности должно иметь неизбежным следствием отрицание его и относительно других видов имущества, следовательно, приведет к господству социалистических утопий, опасных не только для экономического, но и для политического существования государства...”

Но с другой стороны, исходя из очевидной необходимости расширения площади крестьянского землевладения, нельзя в этом вопросе отступать перед отвлеченным принципом неприкосновенности частной земельной собственности в его чрезмерных проявлениях; нельзя мириться с современным существованием с одной стороны огромных частных земельных владений, а рядом с этим крайней земельной нужды. Самым разумным выходом из этого противоречия было бы, по мнению собрания, установление прогрессивного земельного налога, чтобы удержание в одних руках обширных земельных владений оказалось бы невыгодным...” [20, с. 139].

Заклучение

Как свидетельствуют приведенные выше факты, ведущие монархические партии не имели общей точки зрения на пути и способы решения аграрного вопроса, что затрудняло правым выработку общей тактики в борьбе с революцией. Однако программные положения монархистов по совершенствованию землевладения и землепользования во многом были созвучны чаяниям крестьянства, особенно его беднейшей части, и тем самым привлекали ее на сторону защитников традиционных устоев общественного бытия.

Правые и их сторонники в Беларуси занимали собственные позиции в отношении путей решения аграрного вопроса, о чем свидетельствует их оценка указа 9 ноября 1906 г. и обсуждение его положений в III Государственной Думе. Главным требованием большинства правомонархистов белорусских губерний был тезис о необходимости передачи земли крестьянам в частную собственность в форме хуторского или отрубного землевладения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Спирин, Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.) / Л. М. Спирин. – М.: Мысль, 1977. – 366 с.
2. *Степанов, С. А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.) / С. А. Степанов. – М.: Изд-во ВЗПИА/О “Росвузнаука”, 1992. – 330 с.
3. *Кирьянов, Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. / Ю. И. Кирьянов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 464 с.
4. *Иванов, А. А.* Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) / А. А. Иванов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – 206 с.; Иванов, А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). / А. А. Иванов. – М.: СПб.: Альянс-Архео, 2011. – 448 с.; Иванов, А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917) / А. А. Иванов. – М.: СПб.: Альянс-Архео, 2013. – 520 с.

5. *Омельянчук, И. В.* Правые партии и П.А. Столыпин / И. В. Омельянчук // Российская история. – 2012. – № 2. – С. 62–76.
6. *Бондаренко, К. М.* Русские и белорусские монархисты в начале XX века / К. М. Бондаренко, Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2003. – 212 с.; *Бондаренко, К. М.* Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.) : монография / К. М. Бондаренко. – Могилев : УО “МГУ им. А. А. Кулешова”, 2010. – 416 с.
7. *Щетинов, Ю. А.* История России. XX век.: учеб. пособ. / Ю. А. Щетинов – М. : ФАИР-Пресс, 1999. – 352 с.
8. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. – М. : РОССПЭН, 1995. – 464 с.
9. История России. XX век. / А. И. Боханов [и др.] – М. : Издательство АСТ, 1997. – 608 с.
10. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.) / под ред. В. Н. Перцева [и др.]. – Минск : Издательство Академии Наук БССР, 1953. – Т. III. – 1020 с.
11. История России. XX век : учеб. пособ. / О. А. Яновский, [С. В. Позняк] [и др.] ; под ред. В. И. Меньковского и О. А. Яновского. – Минск : РИВШ, 2005. – 704 с.
12. Правые партии. Документы и материалы : в 2 т. / сост. Ю. И. Кирьянов. – М. : РОССПЭН, 1998. – Т. 2 : 1911–1917 гг. – 816 с.
13. Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы : в 2 т. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – Т. 1 : 1905–1910 гг. – 720 с.
14. *Забаўскі, М. М.* Расійская Дзяржаўная Дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.) / М. М. Забаўскі. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 1999. – 212 с.
15. *Скрынченко, Д. В.* Трагедия белорусского народа / Д. В. Скрынченко. – Минск : Губ. тип., 1908. – 18 с.
16. “Н. М.” Неустройство крестьянского быта и хозяйства [ч. 1] / “Н. М.” // Окраины России. – 1906. – 28 мая. – С. 221–223.
17. “Н. М.” Неустройство крестьянского быта и хозяйства [ч. 3] / “Н. М.” // Окраины России. – 1906. – 4 июня. – С. 237–239.
18. “Н. М.” Неустройство крестьянского быта и хозяйства [ч. 5] / “Н. М.” // Окраины России. – 1906. – 18 июня. – С. 269–271.
19. Что нам нужно [ч. 4] // Северо-Западная жизнь. – 1912. – 16 сент. – С. 1.
20. К решению земельного вопроса // Крестьянин. – 1907. – № 9. – С. 139.

Поступила в редакцию 18.12.2014 г.

Контакты: (+375 222) 28-40-70 (Бондаренко Константин Михайлович)

Summary

The article highlights the analysis of the declarations of the leading right monarchist parties and unions, their demands to improve the agrarian relations in the Russian villages, the definition of the role and place of the agrarian question in the ideology of the right-wing parties in the early XX century.